

Оглавление

Линия времени (все даты до н. э.)	7
Введение	9
Глава 1. Счастье	35
Глава 2. Потенциал	55
Глава 3. Решения	79
Глава 4. Коммуникация	101
Глава 5. Самопознание	127
Глава 6. Намерения	159
Глава 7. Любовь	179
Глава 8. Общество	197
Глава 9. Досуг	221
Глава 10. Отношение к смерти	243
Благодарности	281
Глоссарий	283
Примечания	285
Дополнительная литература	289

Жирным шрифтом на карте выделены места, где жил Аристотель. Области, закрашенные точками, обозначают территории, занятые в IV в. до н.э. грекоязычным населением.

Линия времени (все даты до н.э.)

- 384 В Стагире у Никомаха и Фетиды рождается сын Аристотель.
- около 372 Отец Аристотеля умирает, опекуном становится Проксен из Атарнея.
- около 367 Аристотель переселяется в Афины и поступает в Академию Платона.
- 348 Филипп II Македонский разрушает Стагиру, но затем по просьбе Аристотеля восстанавливает ее.
- 347 Аристотель покидает Афины после смерти Платона и принимает приглашение Гермия, правителя Ассоса.
- 345–344 Аристотель занимается зоологическими исследованиями на Лесбосе.
- 343 Филипп II приглашает Аристотеля в Македонию — наставником к своему сыну Александру.
- 338–336 Аристотель, возможно, живет в Эпире и Иллирии. После гибели Филиппа II воспитанник Аристотеля становится царем Александром III (Великим).
- 336 Аристотель возвращается в Афины и основывает Ликей.
- 323 Александр III Македонский умирает в Вавилоне.
- 322 Аристотелю предъявляют обвинение в безбожии, он уезжает из Афин в Халкиду, где и заканчивается его жизнь.

Введение

Слова «счастье», «счастливый» встречаются нам на каждом шагу. Можно вытащить счастливый билет, сэкономить в баре на коктейлях в «счастливые часы», поднять настроение с помощью «таблеток счастья» или отправить смайлик «я счастлив». Мы любим быть счастливыми. Песня «Happy» Фаррелла Уильямса занимала первое место в хит-парадах и рейтингах продаж в 2014 г. в США и еще 23 странах. В ней пелось о том, что счастье — это краткий миг восторга, когда ты взмываешь ввысь, словно воздушный шар, наполненный горячим воздухом.

И вот здесь начинаются противоречия. Почти все мы уверены, что хотим обрести счастье — то есть устойчивое психологическое состояние удовлетворения (вопреки тому, о чем поет Уильямс). Говоря детям, что «желаете им счастья», вы подразумеваете нечто постоянное. При этом в обиходе «счастье» гораздо чаще обозначает некое банальное минутное удовольствие — удачу, коктейль, смайл в электронной переписке. Для кого-то, как для Люси из комикса Peanuts, счастье — это «теплый щенок», которого можно обнять. Счастливый день рождения — это праздник на несколько часов в честь очередного прожитого года.

Бывает ли так, чтобы счастье длилось всю жизнь? Мнения философов на этот счет расходятся. Одни рассматривают счастье как нечто объективное, поддающееся оценке и даже количественному измерению сторонним наблюдате-

лем или историком. Оно включает хорошее здоровье, долгую жизнь, любящую семью, отсутствие финансовых проблем и тревог. С этой точки зрения королева Виктория, которая скончалась, когда ей было за 80, произвела на свет девятерых детей (причем все они достигли зрелости) и вызывала восхищение у всего мира, прожила явно счастливую жизнь. А вот Марию-Антуанетту счастливой не назовешь: двое из четырех ее детей умерли во младенчестве, сама же она пала жертвой народного гнева и была казнена в 37 лет.

Объективно оцениваемому «благополучию» посвящено большинство книг о счастье, а также социологические исследования, проводимые государственными структурами с целью сравнить уровень счастья граждан страны с аналогичными показателями жителей других стран. С 2013 г. ООН отмечает 20 марта Международный день счастья, достижение которого неизбежно связывают с избавлением людей от бедности, преодолением неравенства и защитой нашей планеты.

По другую сторону баррикад находятся философы, полагающие счастье явлением субъективным. На их взгляд, счастье связано не с благополучием, а с удовлетворенностью, душевным покоем. В этом случае оценить со стороны, счастлив кто-то или нет, не получится, и даже самый внешне жизнерадостный человек может страдать от скрытой тоски. Такое субъективное счастье можно только описать, но не измерить. Мы не знаем, кто дольше чувствовал себя счастливой, Мария-Антуанетта или королева Виктория. Может быть, Мария-Антуанетта успела получить истинное удовольствие от жизни, а Виктория, рано овдовевшая и ушедшая в многолетнее затворничество, наслаждений не испытывала.

Аристотель первым из философов занялся изучением этой субъективной модели. Он разработал сложную программу обретения личного счастья, которая не теряет актуальности

по сей день. В его учении есть все необходимое, чтобы не уподобиться герою повести Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886), на пороге смерти осознавшему, что растратил почти всю жизнь на завоевание положения в обществе, ставил личную выгоду превыше сострадания и общественных ценностей и терпел ненавистную жену. На смертном одре он проникается негодованием к своим близким, которые не хотят говорить с ним о скорой неминуемой кончине. Этическое учение Аристотеля охватывает все, что связывают с субъективным счастьем современные философы и психологи, — самореализацию, обретение «смысла существования», «поток» творческого участия в жизни, «положительные эмоции»¹.

Данная книга представляет собой современное прочтение этики Аристотеля, с честью выдержавшей испытание временем. В каждой главе его философские уроки применяются к тем или иным актуальным для нас повседневным проблемам: это и принятие решений, и написание резюме, и прохождение собеседования, и анализ собственного характера (с помощью созданной Аристотелем таблицы пороков и добродетелей), и сопротивление соблазнам, и выбор друзей и близких.

Учение Аристотеля поможет нам стать счастливее на любом этапе жизни. Его фундаментальные идеи основная масса философов, мистиков, психологов и социологов (за редким исключением) просто излагает заново. Но Аристотель сформулировал их первым — лучше, четче и обстоятельнее, чем любые последователи. Хотя каждая из составляющих его рецепта счастья соответствует своему отрезку жизненного пути, все они связаны между собой.

Как утверждал Аристотель, стремиться к субъективному человеческому счастью — наш единственный и основной

долг. Кроме того, это великий дар. Независимо от обстоятельств большинство из нас имеет достаточно власти над собой, чтобы *реши́ть* стать счастливее. Однако понимание счастья как внутреннего, индивидуального ощущения мы так до конца и не раскрыли. Что же такое счастье? В современной философии выделяются три различные концепции.

Первая, связанная с психологией и психиатрией, трактует счастье как противоположность депрессии, внутреннее психоэмоциональное состояние, которое складывается из непрерывной последовательности настроений. Оно подразумевает положительное, жизнеутверждающее мироощущение. Теоретически такое счастье может испытывать человек, не имеющий особых стремлений, лежащий день-деньской на диване перед телевизором, но при этом вполне довольный жизнью. Возможно, это вопрос темперамента, в том числе наследственного (оптимизм действительно, судя по всему, семейная черта). Согласно некоторым восточным философским учениям, «счастливое» эмоциональное состояние можно культивировать с помощью специальных техник вроде трансцендентальной медитации. Западные философы усматривают в таких случаях связь с высоким от природы уровнем гормона серотонина, без которого, по мнению многих медиков и психиатров, хорошее настроение невозможно и дефицит которого наблюдается у человека в состоянии депрессии. Жизнерадостность — завидное качество, однако мало кому из нас она достается при рождении. Современные антидепрессанты, которые помогают пережить временный стресс, реакцию на некие жизненные невзгоды или поддерживают человека при затяжной, «эндогенной» депрессии, в основном поднимают именно уровень серотонина. Но считать ли жизнерадостность счастьем? Можно ли назвать жизнь, проведенную перед телевизором, счастливой? Ари-

стотель, для которого счастье было немыслимо без реализации заложенного в человеке потенциала, ответил бы отрицательно. Джон Кеннеди обобщил понятие счастья по Аристотелю в одном предложении: «Полная реализация своих способностей в стремлении к совершенству, насколько позволяют жизненные обстоятельства».

Вторая современная философская модель субъективного счастья — это «гедонизм», определяющий счастье как совокупность моментов жизни, в которые мы наслаждаемся собой, испытываем удовольствие, пребываем в восторге и экстазе. Гедонизм (от древнегреческого *hedone* — «удовольствие») берет начало в Античности. Индийская философская школа под названием «чарвака», основанная в VI в. до н.э., внушала, что райское наслаждение означает «вкусить изысканные яства, окружать себя молодыми прелестницами, облачаться в изящную одежду, умащать себя благовониями и сандаловой пастой, украшать цветочными гирляндами. Только глупец изнуряет себя постом и лишениями»². Столетие спустя один из учеников Сократа, Аристипп из Кирены в Северной Африке, разработал этическое учение, которое назвал «гедонистическим эгоизмом». В приписываемом ему тексте «О роскоши древних», повествующем о похождениях философов в поисках удовольствия, Аристипп доказывал, что человек должен стремиться в кратчайшие сроки получить как можно больше физических и чувственных наслаждений, не заботясь о последствиях.

Гедонизм вновь вошел в моду, когда утилитаристы во главе с Иеремией Бентамом (1748–1832) выдвинули в качестве единственно правильной основы нравственных решений и поступков принцип наибольшего счастья для возможно большего числа людей. Бентам считал, что именно этим принципом следует руководствоваться при издании зако-

нов. В своем манифесте 1789 г. «Введение в основания нравственности и законодательства» он вывел алгоритм «гедонистического расчета», позволяющий вычислить коэффициент совокупного удовольствия, доставляемого тем или иным действием. Этот алгоритм часто называют «гедонистическим исчислением». Бентам учитывал следующие переменные. Насколько сильно испытываемое удовольствие? Долго ли оно длится? Неизбежное ли оно следствие прогнозируемого действия или всего лишь вероятное? Скоро ли оно наступит? Будет ли оно продуктивным и приведет ли к дальнейшим наслаждениям? Гарантирует ли оно отсутствие неприятных последствий? Сколько человек его испытают?

Бентама интересовали не типы удовольствия, а совокупный результат их воздействия на человека. Количество, а не качество. Если актер Эррол Флинн не кривил душой, утверждая перед смертью, что «получал море удовольствия и наслаждался каждой минутой», то, по оценке расчетливо-го гедониста, он прожил действительно счастливую жизнь.

Но что подразумевал Эррол Флинн под «удовольствием» и «наслаждением»? Как подметил ученик Бентама Джон Стюарт Милль, математически рассчитанный гедонизм не делает различий между счастьем человека и счастьем свиньи, которое сводится к непрерывной физической неге. Преодолевая этот недостаток, Милль ввел понятие разных уровней и типов удовольствия. Телесные удовольствия, общие у человека с животными, такие как наслаждение едой или сексом, — это удовольствия «низшего» порядка. Духовное удовольствие, которое дарят нам интеллектуальные беседы, искусство, добронравие, «выше» и ценнее. Это направление гедонизма часто называют разумным или качественным.

В XXI в. мало кто из философов поддерживает гедонистический подход к достижению субъективного счастья. Ощути-

мый удар по этой теории нанес в 1974 г. профессор Гарвардского университета, опубликовав книгу «Анархия, государство и утопия», в которой описал вымышленный аппарат, способный на протяжении всей жизни обеспечивать человека приятные переживания. Для пользователя этот искусственный опыт не будет отличаться от подлинных ощущений. Захочет ли кто-то подключиться к такому аппарату? Нет. Мы хотим настоящего. А значит, приятные ощущения не могут служить исключительным критерием всеобъемлющего субъективного счастья.

Нозик писал свою книгу накануне прихода эпохи массовой персональной компьютеризации и появления представлений о виртуальной реальности. Его мысленный эксперимент захватил воображение публики и вызвал ассоциации с аппаратом «Оргазматрон» из фильма Вуди Аллена «Спящий» (Sleeper, 1973). Может, когда-нибудь люди в большинстве своем будут готовы променять неопределенность реальных ощущений на гарантию бесконечного искусственного восторга, но пока этот день не настал. Мы хотим счастья и вроде бы все же не сводим его к одним лишь приятным ощущениям. Оно предполагает некую стабильную, осмысленную, конструктивную деятельность. Именно такое счастье интересовало древнегреческого философа Аристотеля. Он рассматривал его как психологическое состояние, самореализацию, удовлетворенность собой, взаимодействием с окружающими и общим ходом жизни. Оно предполагает активность и целеустремленность человека на пути к счастью. Это и есть — в противовес концепции позитивного мироощущения или гедонизму — третий подход современной философии к личному счастью. В основе его лежат анализ и работа над собственными устремлениями, поведением, реакцией на окружающий мир. И истории этого подхода — в трудах Аристотеля.

Философ считал, что, воспитывая в себе добродетель, совершая достоинства и держа в узде пороки, человек осознает причинно-следственную связь между счастливым состоянием духа и *выработанной привычкой к правильным действиям*. Возьмите за правило встречать каждого ребенка с улыбкой, и со временем она будет возникать при его приближении сама собой и при этом будет искренней. Некоторые философы сомневаются, действительно ли добродетельная жизнь предпочтительнее порочной, но в последнее время «этика добродетели» реабилитируется в философских кругах и признается благом. В отличие от Аристотеля, который рассматривал все добродетели в совокупности, современные мыслители разбивают их на категории. Джеймс Уоллес в «Добротелях и пороках» (1978)* выделяет три группы: добродетели самодисциплины, такие как мужество и терпение; добродетели совести — честность и справедливость; а также добродетели благодеяния, подразумевающие помочь другим, такие как доброта и сострадание. Первые две добродетели могут благоприятствовать успеху как личных устремлений человека, так и всего общества. Добродетели благодеяния определены менее четко, но все же способны повысить симпатии к вам с вашей собственной стороны и со стороны окружающих. Таким образом, добродетель обладает внешними преимуществами: счастье окружающих повышает вероятность вашего собственного счастья, а значит, в ваших интересах быть добродетельным. Однако Аристотель (наряду с Сократом, стоиками и викторианским философом Томасом Хиллом Грином) видел в ней и внутренние преимущества. Добродетели, ориентирован-

* James D. Wallace. *Virtues and Vices*. 1St Edition. — Cornell University Press, 1978.

ные на других, ощутимо способствуют вашему собственно-му счастью³.

В «Никомаховой этике» Аристотель рассуждает о природе счастья. Если оно не посыпается богами, говорит он (Аристотель считал, что боги не вмешиваются в дела людей), то «является плодом добродетели и своего рода усвоения знаний или упражнения»*. Составляющие счастья можно описать и проанализировать — как предмет любой другой области знания, скажем астрономии или биологии. Однако наука о счастье отличается наличием четкой прикладной задачи — достижения счастья — и потому больше напоминает практические дисциплины вроде медицины или политологии.

Более того, счастье может стать массовым, «ведь благодаря своего рода обучению и усердию оно может принадлежать всем, кто не увенчен для добродетели». Аристотель знает, что добродетельность может пострадать при определенных обстоятельствах или под воздействием неких жизненных событий. Но для большинства людей счастье действительно достижимо, если задаться такой целью. Почти каждому из нас по силам *решить* воспитывать в себе счастливый образ мыслей. Это не прерогатива горстки избранных с философской степенью.

И все же слово «почти» здесь не случайно. Аристотель не вручит нам волшебную палочку, которая решит любые проблемы. Способность к достижению счастья при всей своей универсальности действительно не одинакова у разных людей. Аристотель признает существование определенных

* Здесь и далее цитаты из «Никомаховой этики» по изданию: Аристотель. Никомахова этика. Соч. в 3 т. Т.4. / Пер. Н. В. Брагинской. — М., 1983.

преимуществ, которые у человека либо имеются, либо нет. Если вам «повезло» родиться в самых низких социально-экономических слоях общества, если у вас нет детей, родных, любимых, если у вас чрезвычайно отталкивающая внешность, эти не зависящие от вас обстоятельства, по выражению Аристотеля, «омрачают» радость. Тогда счастья достичь сложнее. Но это не значит, что оно недостижимо вовсе. Чтобы упражнить душу в компании с Аристотелем, совсем не обязательно обладать материальными благами, физической силой или красотой, поскольку образ жизни, за который он ратует, подразумевает стремление к нравственному и психологическому совершенству, а не материальные приобретения и не внешнее великолепие. Есть и гораздо более суровые препятствия, среди которых — наличие неисправимо дурных детей или друзей. И еще один барьер — его Аристотель приберегает напоследок и подает как самую большую беду, с которой может столкнуться человек, — это смерть хороших друзей и/или, еще страшнее, ребенка.

Тем не менее даже не особенно одаренные от природы или понесшие тяжелые потери люди имеют шанс прожить хорошую жизнь при условии, что она будет добродетельной. «Эта философия, приверженцем которой может стать любой, отличается от большинства других видов философии», — объясняет Аристотель, поскольку имеет прикладную цель в реальной повседневной жизни. Этика, добавляет он, «в отличие от других направлений философии, имеет практическую цель. Поскольку мы исследуем природу добродетельности не ради знания как такового, а для того, чтобы стать добродетельными, и без этого результата наше исследование будет тщетным». Собственно, единственный способ быть хорошим, добродетельным человеком — делать добро. Раз за разом поступать с людьми честно и справедли-

во. Без принуждения взять на себя детей в выходные, чтобы разгрузить второго родителя. Оплачивать услуги приходящий домработницы без вычетов, если сами отменяете очередную уборку. Аристотель полагает, что в представлении многих достаточно просто рассуждать о добродетели: вместо действий они «прибегают к рассуждению и думают, что, занимаясь философией, станут таким образом добропорядочными». Он сравнивает таких людей с «недужными, которые внимательно слушают врачей, но ничего из их предписаний не выполняют».

Мыслить по-аристотелевски — значит в стремлении сделать свою жизнь как можно лучше исходить из особенностей человеческой природы. Соответственно, в анализе своих дел и решений мы будем отталкиваться от естественных, а не сверхъестественных понятий, таких как бог или боги. Именно в этом заключалось единственное важнейшее различие между Аристотелем и его учителем Платоном, считавшим, что человек должен искать ответы на экзистенциальные задачи в незримом мире бестелесных идей-форм, за пределами окружающего нас материального мира. Аристотель же сосредоточил внимание на осязаемых явлениях реальности — «здесь и сейчас». Как писал в стихотворении «Осенний журнал» поэт и знаток классических языков и литературы Луис Макнис:

Лучше пусть Аристотель — тот не брезговал изучать
размножение мух,
Наблюдал за развитием живой и здимой вселенной,
Подчеркивал смысл и цель, развенчивал бестелесность
идеи
Лошади, чтобы снять ее с полки и галопом пустить во весь
дух.

Центральную роль в своем учении Аристотель отводил человеческому опыту, за что перед ним преклонялись Томас Мор, Фрэнсис Бэкон, Чарльз Дарвин, Карл Маркс и Джеймс Джойс. Немало значимых трудов современных философов, в том числе выдающихся женщин, рожденных в XX в., — Ханны Арендт, Филиппы Фут, Марты Нуссбаум, Сары Бродуи и Шарлотты Уитт — написаны под влиянием Аристотеля или посвящены ему.

Философ подчеркивает, что счастье обретается не за счет истового следования правилам, а за счет погружения в гущу жизни, в каждую ситуацию со всеми ее деталями и сложностями. Общие принципы, несомненно, имеются — как в медицине или мореплавании врач или капитан владеют фундаментальными основами своей науки, но каждый пациент и каждый выход в море — это особый случай со своими конкретными проблемами, которые требуют индивидуального решения.

В собственной жизни вы как морально ответственный человек «должны учесть, какое решение в каждом случае будет сообразно обстоятельствам». В какие-то выходные вам придется сидеть с детьми, а в какие-то — второму родителю. Дело даже не в уникальности ситуаций, а в том, что индивидуален каждый из нас, поэтому добродетельность и добродорядочность в повседневной жизни у разных людей принимает разные формы. Здесь Аристотель проводит аналогию с гимнастами: кому-то из них требуется усиленное питание, кому-то урезанное — и ссылается на Милона Кротонского как на пример атлета, нуждающегося в больших порциях еды. Каждому из нас необходимо разобраться в себе и решить, какая нравственная подпитка нам необходима. Научиться предлагать помочь, забывать обиды, просить прощения или, может быть, делать что-то совершенно иное?

Я не считаю себя исключительно прекрасным и легким человеком. У меня есть довольно неприятные черты характера, с которыми тяжело справиться. Прочитав у Аристотеля про пороки и добродетели и поговорив откровенно с близкими людьми, я определила свои самые главные недостатки — нетерпеливость, безрассудство, излишняя резкость, эмоциональная несдержанность и мстительность. Но аристотелевская идея о важности нахождения баланса между крайностями — та самая, которую мы называем «золотой серединой», — предполагает, что мои негативные свойства в умеренной степени приемлемы. Без нетерпеливости человек вряд ли доведет начатое до конца; без риска — будет жить пресно и ограниченно. Человек, боящийся сказать правду, скрывающий и горе, и радость, может быть психологически и эмоционально угнетен и даже ущербен. Тот, кто не испытывает ни малейшего желания поквитаться с обидчиками, либо обманывает себя, либо обладает крайне низкой самооценкой.

Зла в мире достаточно. Все мы знаем, что существуют люди, которые патологически часто (или просто регулярно) нарушают закон и вредят другим. Однако в большинстве своем мы убеждены, что значительная доля человечества при достаточном обеспечении базовыми ресурсами, исключающем необходимость проявлять эгоизм ради выживания, склоняется к альтруизму и социальному взаимодействию. Помощь другим приносит им моральное удовлетворение. Поддерживать связи с окружающими, объединяться в семьи и сообщества, судя по всему, естественное для человека желание и состояние. К таким сообществам и принадлежат эталоны аристотелевского образа мысли — рациональные, делающие нравственный выбор, руководствуясь стремлением к здоровым удовольствиям как кри-

терием правильности и культивирующие счастье для себя и для других.

Находят современных приверженцев и другие античные философские учения, в частности стоицизм Марка Аврелия, Сенеки и Эпиктета. Но стоицизм не пропагандирует *радость жизни*, как аристотелевская этика. Это довольно пессимистичная и мрачная концепция. Она требует подавления эмоций и плотских желаний. Она учит смиреннию, умению терпеть невзгоды, а не деятельности участию в увлекательной, полной тонкостей и нюансов практике повседневного бытия и решении жизненных задач. В ней почти нет места надежде, самостоятельному выбору и естественному неприятию тягот и лишений. Она осуждает удовольствие как таковое. Как тут не вспомнить Цицерона, который спрашивал: «Что? Разве может стоик вдохновить? Он скорее задушит любой порыв энтузиазма даже у того, кто был изначально преисполнен рвения».

Аристотель писал для неравнодушных к происходящему в обществе. Эпикурейцы призывали отказаться от всякого стремления к власти, славе и богатству и жить как можно безмятежнее. Скептики, хотя и разделяли убеждение Аристотеля в необходимости подвергать сомнению все догмы, считали истинное знание недостижимым, а выработку общих принципов для конструктивной жизни в условиях совместного общинного существования невозможной. Циники соглашались с Аристотелем, что человек в развитии превзошел животных и что цель жизни — это счастье, достигаемое благодаря разуму. Однако путь к счастью они предлагали неординарный: по их мнению, к счастью нужно приходить через аскетизм, отказ от семейной жизни и уюта, материальных благ и стремления к таким социальным наградам, как слава, власть и богатство. Самый знаменитый из циников,

Диоген (старший современник Аристотеля, хорошо известный в платоновской Академии), жил на улице и ходил полу-голым. У него не было ни жены, ни дома, он отвергал любое участие в социальной жизни. Многие из нас хотят жить проще, но мало кто готов отказаться от семьи и общества и стать бродягой-отшельником.

Хотя сам Аристотель не был религиозным в общепринятом понимании, он остается представителем культуры, которая включала в себя верования, не имеющие приверженцев в современном мире и существовавшие за сотни лет до появления христианства и ислама. Это значит, что его учение лишено какой бы то ни было связи с современными политическими или идеологическими течениями. Наоборот, веками он с одинаковым успехом вдохновлял философов христианского, иудейского и мусульманского вероисповедания, а в более поздние времена — индуистов, буддистов и последователей Конфуция. Аристотеля невозможно полностью отнести к какой-либо современной интеллектуальной или культурной традиции. Общение с мыслителем из далекого прошлого обнадеживает, кроме всего прочего, возможность убедиться, насколько незначительно, несмотря на весь технический прогресс, изменилась человеческая натура. Мы чувствуем себя частью человечества, ощущаем поддержку, над которой не властны ни время, ни смерть. Некоторые философы, в частности Юм и Кант, сомневались, правомерно ли опираться в вопросах этики на человеческую природу, учитывая великое разнообразие культурных различий, а также разницу темпераментов даже внутри одного сообщества. Но Аристотель описывает на редкость знакомый и неизменный комплекс этических проблем. Говоря «мы», он зачастую имеет в виду все человечество в совокупности, прошлое, настоящее и будущее. В одном из самых выразительных эпи-

зовов «Метафизики» он критикует мифологические, ненаучные версии происхождения Вселенной, выдвигаемые более древними греческими поэтами, в частности Гесиодом. Гесиод, его последователи и все, кто писал о Божественном, по словам Аристотеля, «размышляли только о том, что казалось им правдоподобным, а о нас не позаботились. Принимая богов за начала и все выводя из богов, они утверждают, что смертными стали все, кто не вкусили нектара и амброзии»*. Вместо того чтобы подумать о «нас», о человечестве, древние космологи думали о «них», о небожителях, для которых «мы» — существа второго сорта.

Читая у Аристотеля о людях скупых и прижимистых или, скажем, о вспыльчивых, мы видим легко узнаваемые человеческие типажи, хорошо знакомые нам из повседневной жизни. Кроме того, он сам представляет отличную ролевую модель почти для любого жизненного этапа. Он не только преуспел в личной и семейной жизни и в дружбе, но и сумел, уцелев в политических бурях, осуществить свои личные планы — после полувекового ожидания и подготовки основать независимое учебное заведение и увековечить основную часть своих идей на папирусе.

Аристотель родился в 384 г. до н.э. в Стагире, небольшом независимом греческом полисе, примостившемся на холмах скалистого полуострова в северной части Эгейского моря. Его отец Никомах был врачом — выдающимся и искусным, судя по тому, что его приставили в качестве личного лекаря к тогдашнему македонскому царю Аминте III. Однако детство у Аристотеля закончилось рано. Отец с матерью умерли,

* Здесь и далее цитаты из «Метафизики» по изданию: Аристотель. Метафизика / Пер. А. В. Кубицкого. — М., 1934.

когда будущему философу было около 13 лет, и этот удар ему пришлось переносить в непростые времена, на фоне зреющих военно-политических конфликтов. Аристотелю удалось не оступиться, сохранить принципы и достоинство в условиях всеобщего падения нравов. Он превратил проблему в возможность и посвятил значительную часть жизни работе над своими идеями и наблюдениями. А тогда, в 13, юного Аристотеля взял в семью и занялся его образованием муж сестры будущего философа, некто Проксен.

В 17 лет Аристотель перебрался в Афины и влился в ряды учеников Академии Платона. 20 лет спустя, когда Платон умер, Аристотель принял приглашение Гермия, правителя двух городов на северо-западе Малой Азии — Атарнеи и Ассоса. Позже он скрепил эту дружбу женитьбой на дочери Гермия, Пифиаде. В возрасте 40 лет Аристотель отправился на остров Лесбос, где занялся изучением дикой фауны и стал родоначальником зоологии как науки. Однако в 343 г. до н.э. ему пришлось круто изменить свою судьбу, когда царь Филипп II позвал его в Македонию — учителем к своему сыну Александру, будущему великому правителью Александру Македонскому. Филипп построил для занятий Аристотеля школу у святилища нимф, для которого был необходим источник пресной воды, в зеленой долине у Миезы, в 30 милях к югу от македонской столицы Пеллы. По мере того как Филипп расширял границы своей империи, международная обстановка накалилась до предела, поэтому в 338–336 гг. до н.э., когда Филипп был убит и Александр стал царем, Аристотель, судя по всему, отсиживался в Эпире и Иллирии (Западные Балканы).

И только потом, когда ему было уже под 50, воспользовался представившейся возможностью. Вопреки событиям кинокартины Роберта Россена «Александр Великий» (1956) с Ричар-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)